линный шедевр текстологии. Работа М. Д. Приселкова над Троицкой летописью была завершена монументальным трудом — реконструкцией текста Троицкой летописи, изданной уже после смерти автора. И наконец вся работа над летописанием привела М. Д. Приселкова к созданию «Истории русского летописания XI—XV вв.» — первой в русской историографии работы подобного типа.

Роль М. Д. Приселкова как крупнейшего исследователя русского летописания и идеологической жизни древней Руси в целом не вызывает сомнений — она неоднократно отмечалась в историографии. Однако нам представляется, что значение М. Д. Приселкова как источниковеда все-таки недостаточно оценено в нашей литературе. Недооценка эта обнаружилась, в частности, в той резкой и весьма несправедливой критике, которую встретила последняя изданная при жизни работа М. Д. Приселкова — его статья «Киевское государство второй половины X века по византийским источникам» (к значению этой работы мы еще вернемся ниже). В 1944 г., при переиздании своей «Киевской Руси», Б. Д. Греков счел необходимым вставить в эту книгу несколько замечаний об этой статье М. Д. Приселкова.[12] Иронически заметив, что у М. Д. Приселкова было «свое собственное представление о Древнерусском государстве», Б. Д. Греков писал: «М. Д. Приселков в названной статье ставит своей задачей изучить Древнерусское государство второй половины X века на источниках византийских, исходя из положений, что „Повесть временных лет" — источник „искусственный и мало надежный" и что греческие источники в своих данных о Руси якобы „более надежны". К этим последним он причисляет: 1) договоры с греками, как известно, сообщенные отвергнутой автором „Повестью временных лет", 2) сочинения Константина Багрянородного, известного русофоба..., 3) „Историю" Льва Диакона, которая о Руси говорит очень мало ... Ограничив себя узким кругом источников и a priori признав византийские сведения более достоверными, чем русские, М. Д. Приселков сделал опыт изображения Древнерусского государства столь же смелый, сколь и неубедительный».[13] К взгляду Б. Д. Грекова присоединился и И. У. Будовниц, также полагавший, что «без всяких к тому оснований М. Д. Приселков отдает предпочтение византийским источникам перед русскими».[14] С этим была связана и общая оценка научной деятельности М. Д. Приселкова, данная в статье И. У. Будовница — единственной в историографии работе, специально посвященной М. Д. Приселкову. Отдавая должное М. Д. Приселкову, как автору первого обобщающего труда по истории русского летописания, как живому и яркому исследователю и прирожденному педагогу, И. У. Будовниц считал, однако, что преувеличение М. Д. Приселковым значения Византии и византийских источников при изучении истории Киевской Руси «обедняет русскую культуру, сводит на нет ее самостоятельность, оригинальность и прогрессивные черты».[15]

Замечания, высказанные Б. Д. Грековым и И. У. Будовницем, являются, в сущности, замечаниями не по адресу: ни в упомянутой статье, ни в каких-либо других работах М. Д. Приселков никогда не высказывал приписываемого ему нелепого взгляда, будто византийские сведения как таковые a priori ценнее русских. Если бы он так думал, он действительно

---

[12] Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 4-е. М.—Л., 1944, стр. 163. Ср.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959, стр. 227.

[13] Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, стр. 227.

[14] И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — ИЗ, т. 35. М., 1950, стр. 229.

[15] Там же, стр. 231.